

ЗУБОВСКИЙ ИНСТИТУТ: (ПОСТ)ФОЛЬКЛОР ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ

Е. В. Хаздан
(С.-Петербург)

Речи из уст к истокам.
Речи мутящие воду.
Каламбуры тем остроумнее,
Чем безумнее и мрачнее повод.

Ганс Арп

Творчество <...> есть акт осознания
себя в потоке истории.

Б. М. Эйхенбаум

Не так уж часто мы становимся свидетелями возникновения фольклорных текстов, можем фиксировать их в реальном времени, в конкретной ситуации, во всем многообразии форм и жанров. Чаще нам случается застать воспоминания о некоем событии, подкрепленные «зарисовками» в духе фольклорной импровизации: имитацию живого исполнения или воспроизведение текстовых фрагментов по памяти¹. Тем более ценной представляется возможность отследить и по возможности полно передать корпус текстов, рождающихся, функционирующих здесь и сейчас, выявляя как ситуативный контекст, так и синхронные аспекты их употребления.

Зубовский институт (Российский институт истории искусств, РИИИ), отметивший в 2012 г. юбилей, пережил на своем веку не одну реорганизацию². Во все времена богатый талантами, неординарными личностями, он творил свою – параллельную – историю, преподнося многие события в юмористическом, а нередко

1 См.: Дианова 2003: 8, где названные формы трансмиссии фольклорных текстов представлены как равноправные наряду с собственно живым их бытованием.

2 См.: Копытова 2012: 144–148. Один из подобных периодов подробно рассматривается в статье: Кумпан 2014: 8–128; см. также: Максимов 2014: 98–111.

и в сатирическом ключе. Архивные материалы свидетельствуют, что и прежде – в 1920-е, 1930-е, 1970-е гг., как и теперь, сотрудники откликались на необыденные ситуации, создавая разного рода тексты. «Уважающий себя воспитанник Института истории искусств пишет стихи на случай <...>, склонен к эпистолярной прозе и каламбурам (некоторые любят и анекдоты); <...> он тщательно блюдет завет неакадемичности, то есть не всегда почтителен со старшими...» – писала Л. Гинзбург в 1925–1926 гг. (Гинзбург 2003b: 93). О студенческих вечеринках, всегда сопровождавшихся чтением шуточных стихов и пародий, читаем и у В. Голициной (Голицина 2003: 72). Слушатели Высших государственных курсов тех лет – Лидия Гинзбург, Лидия Чуковская, Лев Успенский – сберегли и донесли до нас некоторые из этих сочинений. В их воспоминания об Институте инкрустированы краткие яркие четверостишья (Гинзбург 2003а; Чуковская 2000; Успенский 1983). «Стихи сочиняли все – преподаватели и студенты, – писала Л. Гинзбург. – В Институте, понятно, процветал студенческий “фольклор” – шуточные сочинения в стихах и прозе – на разные случаи жизни» (Гинзбург 2003а: 58).

Подборка собственных стихов сохранилась в архиве Н. П. Колпаковой³; до сих пор жива и передается изустно частушка об институтской стенке, навсегда припечатавшая имя разрушителя Зубовского института в 1930-е гг. Яшки Назаренко⁴. Публикуя шуточные поздравления Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума на двухлетие факультета словесных искусств Института, Н. А. Богомолов анализирует используемые авторами приемы стихосложения (см.: Богомолов 1992: 19–25)⁵. Отдельные куплеты «Гимна формалистов» цитировали в письмах, воспоминаниях, заметках как студенты, так и преподаватели Курсов

³ Публикацию некоторых из них см. в работе: Некрылова 2012: 2–4.

⁴ Фигура Якова Антоновича Назаренко и его роль в реорганизациях конца 1920-х гг. неоднократно рассматривались в научных докладах 2012 г., этим сюжетам посвящены статьи: Исмагулова 2012: 25–38; Кумпан 2014: 8–128. К тексту упомянутой частушки мы обратимся чуть позже.

⁵ Публикация повторена в монографии: Богомолов 1999.

подготовки специалистов 1920-х гг.⁶ Подцензурный вариант одного из катренов приведен в романе В. А. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». История создания «Гимна», а также комментарии к каждому четверостишию, записанные от Л. Я. Гинзбург и Т. Ю. Хмельницкой, опубликованы К. А. Кумпан и А. М. Конечным (см.: Кумпан, Конечный 2008: 266–294). Стихи блокадной поры – времени, когда, казалось бы, совсем уже не до смеха, – представлены в работе А. Н. Крюкова (см.: Крюков 2012: 88–93).

По свидетельству Е. В. Назаровой, в 1970-е гг. на советах и партсобраниях сотрудники постоянно перебрасывались эпиграммами, живо отзываясь на любые события. «За НИИ выходит замуж / Театральный институт», – отреагировал на создание ЛГМТМиКа⁷ Вадим Эразмович Вацуру. Многие из его блистательных, изящно-ироничных стихов, дарственных надписей, посвящений сохранились и были опубликованы⁸. Острым языком отличались Абрам Акимович Гозенпуд, Вера Михайловна Красовская. Все время сочинял прибаутки – легко, по любому случаю – Арнольд Наумович Сохор. В Кабинете рукописей хранятся тексты капустников 1990–2000-х гг. В них – отзвуки проблем того времени: попытки риэлтерского захвата здания Института, закрытие диссертационного совета...

Таким образом, можно говорить об устойчивых формах поведения и самовыражения сотрудников Зубовского института в стрес-

⁶ С 1924 г. Курсы были включены в учебную сеть ленинградского профессионального образования на правах техникума и носили название Государственные курсы искусствознания. В 1927 г. им было присвоено наименование Высших государственных курсов искусствоведения (ВГКИ).

⁷ В 1961 г. Государственный научно-исследовательский институт театра, музыки и кинематографии (так назывался Российский институт истории искусств с 1958 г.) был объединен с учебным заведением – Ленинградским государственным театральным институтом им. А. Н. Островского. В составе нового учреждения – Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова (ЛГИТМиК) – Институт получил статус Научно-исследовательского отдела (см.: Копытова 2012: 146).

⁸ Вскоре после смерти ученого тиражом 50 экз. был выпущен изысканный сборник с вручную раскрашенными иллюстрациями и вклеенными засушенными листьями – в столь близком Вадиму Эразмовичу стиле XVIII в. (см.: Вацуриана 2001). Позже вышел академический том воспоминаний: Вацуру 2005.

совых ситуациях. В некоторых текстах последнего времени видны черты преемственности, аллюзии или прямые отсылки к сочинениям предшественников.

Весной–летом 2013 г. для Института снова наступили непростые времена. После волны слухов о его предстоящем слиянии (сначала с Мариинским театром, потом с московскими институтами, а затем и с Петербургской Академией культуры) Министерство культуры сместило директора Т. А. Клявину, руководившую РИИИ с начала 1990-х гг. Вместо нее, вопреки протестам коллектива, была назначена Ольга Борисовна Кох, начавшая «оптимизацию». Реакцией на изменения стали тексты, передававшиеся из уст в уста или в списках, – они возникали как отражение общего настроения и оценка происходящего. Сбор таких текстов велся с применением метода включенного наблюдения, позволяющего фиксировать увиденное и услышанное в естественной среде.

В связи с тем, что события, с которыми связаны вновь зафиксированные тексты, еще не стали историей, всех информантов – авторов текстов, или людей, сообщивших их, – я буду называть в мужском роде («информант», «сотрудник») и указывать лишь один инициал. Кроме того, не упоминаются время, место, обстоятельства, при которых фиксировались те или иные тексты. По той же причине обозначу лишь общие возрастные рамки: годы рождения людей, создававших или транслировавших тексты, ограничиваются 1936–1988 гг., в их число входили научные сотрудники Института, аспиранты, лаборанты, работники вспомогательных подразделений и административно-хозяйственной части (мой список состоит из 23 человек, возможно, он не полон). Фиксация текстов проходила с июля 2013 по апрель 2014 г.

Некоторые из материалов были записаны лично мной, в ряде случаев мне довелось быть непосредственным свидетелем возникновения того или иного текста. Кроме того, я обратилась к собраниям коллег. В настоящее время есть как минимум три независимых архива. Во многом их материалы пересекаются, но некоторые тексты отложились лишь в в каком-то одном из них. Отдельные экземпляры ходят в списках или копиях; иногда

удается найти фотографии, запечатлевшие листки и плакаты, приколотые к доске объявлений.

Поскольку в данной ситуации исследователь сталкивается с *открытой жанровой системой*, особенно важным становится зафиксировать все без исключения жанры и их разновидности как внутри обозначенного замкнутого сообщества, так и (по возможности) за его пределами. Именно полнота фиксации позволяет говорить об образовании гипертекста – информационного пространства, в котором возникает система связей между отдельными элементами и тем самым преодолевается их обособленность⁹.

Опираясь на формальный признак текстового объема, все материалы можно условно разделить на четыре неравные группы. Самая малочисленная связана с визуальными образами: плакат, рисунок. Вторая – прозвища, краткие афористичные высказывания, ругательства, неологизмы и каламбуры, чаще всего обыгрывающие фамилии высмеиваемых персонажей¹⁰. Третья включает эпиграммы, частушки, переделки известных стихов и подтекстовки песен. Наконец, четвертая объединяет развернутые тексты, прозаические и поэтические, – сюда можно отнести «Оду Великому Институту», «Песенку о Палочке», «Новогоднюю частушку», «детектив», «оперное либретто». Еще раз подчеркнем: такое деление весьма условно. Например, за пределами этой классификации оказалась вырезанная из Российской газеты статья А. Хадаева «Палочку Коха можно сломать» (Хадаев 2013: s. p.), которая длительное время висела на

⁹ См.: Дедова 2003: 106–107; Налепин 2009: 20; Иванова 2010: 16.

¹⁰ Названные формы можно называть *текстами минимального объема*. К. В. Чистов раскрывает этот термин следующим образом: «Фразеологизмы, устойчивые речевые обороты, приобретающие вторичный смысл, вторичный моделирующий характер, это как бы “вторичные слова”, входящие из речи в традицию языка. Они обретают свою функцию и становятся простейшими фольклорными формами» (Чистов 2005: 17). В дальнейшем вне зависимости от объема мы будем называть исследуемый материал *текстами*, опираясь на определение этого термина С. И. Гиндиным в «Литературном энциклопедическом словаре»: «2) выраженная и закрепленная посредством языковых знаков (независимо от письменной или устной их реализации) чувственно воспринимаемая сторона речевого, в том числе и литературного, произведения; 3) минимальная единица речевой коммуникации, обладающая относительным единством (цельностью) и относительно автономией (отдельностью)» (ЛЭС 1987: 436).

доске объявлений. В ней высказывалась гипотеза о возможности лечения туберкулеза с помощью найденных в Арктике бактерий. Для сотрудников содержание статьи было несущественным: достаточно было видеть бодрящий заголовок, отсылающий к фамилии нового руководителя Института¹¹.

Большинство материалов можно отнести к разным формам вербальной защиты. Отметим, что в Институте в этот период резко возросло использование обценной лексики, однако в большинстве случаев вновь создаваемые частушки, эпиграммы и даже ругательства оказывались в пределах языковой нормы¹². Большинство возникших в этот период слов и выражений, на наш взгляд, следует относить к окказионализмам¹³. Фактически все тексты рассчитаны на небольшой круг людей, знающих ситуацию, ориентирующихся в ней. Даже краткие высказывания предполагают, что человеку известны как минимум фамилии новых руководителей Зубовского института.

В нарождавшемся институтском постфольклоре¹⁴ важное место заняло создание пародийных созвучий с реальными именами руководителей, использование многозначной лексики и фразеологии, позволяющей создавать каламбурную игру смыслов, направленную на осмеяние адресата. Срамословия дополнялись гротесковыми описаниями директора, заместителя, вновь нанимаемых работников, которым порой вменялись (без каких-либо оснований) разного рода физические и моральные отклонения от

¹¹ Точно так же с горькой иронией сотрудники примеривали на себя название другой статьи: «Выбирайте для себя новую систему измельчения», опубликованную в журнале «Комбикорма»: Кириллов 2013: 30–31.

¹² Об особенностях речевой деятельности и некоторых форм фольклора в ситуации стресса см.: Китаев-Смык 2005: 17–21; Дандис 2003: 89–90, 119–230; Адоньева 2004: 137–195.

¹³ Окказионализмы – лексические единицы, возникновение которых обусловлено определенным контекстом. Окказионализмы тесно связаны с контекстом и понятны прежде всего внутри него. Соответственно, большинству окказионализмов свойственна функциональная одноразовость, но при этом они более насыщены по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова. Подробнее см.: Лопатин 1973; Лыков 1976: 11–20; Лыков 1990: 76–80.

¹⁴ Термин С. Ю. Неклюдова, см.: Неклюдов 1995: 2–4.

норм. Трансгрессивный характер собранных текстов демонстрирует «взрывоопасность фольклорной речи», о которой пишут фольклористы (Олсон, Адоньева 2016: 215). Нарушение этикетных коммуникативных норм здесь принимает открытый характер: смех, вызываемый эпиграммами и каламбурами, как будто ставит под сомнение возникшую иерархию, упраздняет ее¹⁵.

Трансмиссия текстов происходила несколькими путями. Первый – характерный для фольклорных форм – изустная передача, иногда с комментариями. Имя автора при этом, как правило, не упоминалось. Так расходилось большинство текстов минимального объема: прозвища, ругательства, некоторые эпиграммы. Вторая форма – помещение материалов в публичное пространство (на доске объявлений, в отдельных случаях – сразу в нескольких местах, как это было, например, с плакатом, реже – в Интернете)¹⁶. В этих случаях весть о новом тексте облетала Институт. Люди степенно, словно бы по делу, отлучались с рабочего места, чтобы пройти мимо вывешенного материала и иметь возможность познакомиться с ним. Иногда лист открепляли, чтобы снять копию, и снова вешали на место. В случае с плакатом, который появился сразу в нескольких экземплярах, часть из них оставалась висеть на проходе: на дверях секторов и на досках объявлений около дирекции и внизу около вахты.

Судьба интернет-версий была различной. Фотографию плаката, размещенную в фейсбуке одним из аспирантов, сняли буквально через два часа, однако некоторые сотрудники успели скопировать ее. А «Новогодняя частушка» до сих пор висит в «Живом журнале»¹⁷. Позже она появилась на доске объявлений:

¹⁵ Об основных свойствах ритуальной смеховой культуры см.: Бахтин 1965: 11–12 и далее.

¹⁶ Данное исследование не затрагивает так называемый *Internet-lore*. Тексты, появившиеся в Сети, цитируются лишь в тех случаях, если они имели также и иное хождение – устное или в списках (рукописных и машинописных). То же касается комментариев и реплик в социальных сетях.

¹⁷ «Городской фольклор: новогодняя частушка»; дата размещения 4 января 2014 г. (по рассказам отдельных сотрудников, с текстом «Частушки» люди знакомились и до наступления нового года); см.: [<http://zhuki06.livejournal.com>].

на фотографии, сделанной 15 января, виден текст, отпечатанный на машинке и озаглавленный «Палочке Коха от любящих сотрудников»¹⁸. Размещение в Интернете произошло раньше, однако сопоставление текстов показывает, что первичным является машинописный вариант. В нем четко выдержана ритмика стиха, нет ошибок. Человек, перенесший «Новогоднюю частушку» в интернет-пространство, по-видимому, торопливо и недостаточно аккуратно набрал текст, не смущаясь нарушением в некоторых случаях ритма или рифмы. В подтверждение этому приведем первое четверостишие в обеих версиях:

Новогодняя частушка

Палочка Коха и Чекист

Вдруг в искусство подались.

Он – СИЗО, она шизо,

В общем полное вердо*

* вердо (с лабухского) – экскременты

Палочке Коха от любящих сотрудников

Палка Кох <sic!> и чекист

Вдруг в искусство подались.

Он – СИЗО, она шизо,

В общем полное верзо*

* верзо (с лабухского) – экскременты

В тексте, размещенном в Интернете, недостает многих знаков препинания. В дальнейшем, обращаясь к «Новогодней частушке», мы будем цитировать ее по машинописному варианту, принимая его за основной.

Часть текстов (эпиграммы и более крупные формы) показывалась лишь некоторым лицам, которым доверял сочинявший их сотрудник. Далее могли передаваться сами эти тексты (часто без упоминания автора) или информация о них, закреплявшая имя

¹⁸ Фотография предоставлена С₁. Автором «Новогодней частушки» предположительно является К. В нашей личной беседе в мае 2014 г. этот сотрудник говорил уклончиво, не подтвердив, но и не опровергнув своего авторства.

создателя и общее впечатление. Так многие читали состоящую из многих куплетов пространную «Песенку о Палочке», однако списка или копии не сохранилось ни у кого из информантов. Получить ее полный текст удалось лишь в феврале, отыскав написавшего ее человека.

Интересным представляется отношение к авторству. В случае с короткими высказываниями этот вопрос ни разу не возникал: они « витают в воздухе », могут прийти на ум и на язык буквально каждому. Некоторые выражения на период директорства О. Б. Кох прочно вошли в институтский быт¹⁹.

При появлении текстов в списках имя сочинителя в той или иной степени было известно или – при желании – могло быть установлено. А вот обнаружение материалов в общем информационном пространстве влекло за собой буквально шквал предположений, и в какой-то момент ту или иную догадку о создателе начинали сообщать как достоверный факт. Мне приходилось быть свидетелем рассуждений о том, кто мог бы написать « Оду Великому Институту », причем, авторство ошибочно приписывалось А. (в настоящей публикации цитируется текст, предоставленный мне лично автором). Заметим: обсуждается не содержание. Более всего людей волнует, кому пришла в голову та или иная идея, – ее воплощение принимается безоговорочно. Далее текст может варьироваться – осознанно (добавляются строфы, предлагаются новые варианты каких-либо строчек, появляются комментарии и т. п.) или спонтанно (при перепечатке, неточном цитировании).

Самое главное: в настоящей работе мы не собираемся обрисовывать полную картину происходившего в Институте в 1913–1914 годах и тем более давать этому какую-либо оценку. Наша задача – представить возникшие в данных обстоятельствах тексты, предложить способы их классификации, проследить формы трансмиссии, выявить естественный контекст их функцио-

¹⁹ Ср. с характеристикой, которую дают Л. Олсон и С. Адоньева частушкам: «Любая индивидуальная точка зрения, высказанная в частушке, автоматически становится общей...» (Олсон, Адоньева 2016: 201).

нирования, а также соотнести по возможности с аналогичными материалами в прошлом.

Хронологически первой стала реакция на появление в Институте рядом с вахтершами вооруженных охранников из фирмы «Каскад» – в начале июля 2013 г. В знак протеста 3 июля в Александровском саду – в сотнях метров от Зубовского – были проведены Уличные чтения, а сотрудники, встречаясь у крыльца Института, приветствовали друг друга возгласом *Хенде Кох!*

Новых работников, которых нанимала администрация, конечно же, окрестили *палочками Кох*. Фольклорное понимание «палок» также подразумевалось, поскольку в подавляющем большинстве это были сотрудники мужского пола (а до конца сентября – исключительно мужчины). Впоследствии некоторые удостоились прозваний: зам. по кадрам – *Брежнев*, длинноногая секретарша – *Цапля*, длинный сумрачный юрист с повадками «следака» – *Кошцей* или *Таракан*.

Как очередную «палочку» восприняли и коллегу Ольги Борисовны Кох по развалу Санкт-Петербургской академии культуры и искусства Юрия Ивановича Бундина. Он появился в начале августа и сперва, по застарелой профессиональной привычке, держался незаметно. Поговаривали, что он обладает даром сливаться с любой мебелью.

С первых же собраний нам стало понятно, кто в этой «команде» коренной, а кто – пристыжная. В Институте устанавливался новый режим: *бундизм-кохинизм*, внешне выглядевший как *кохриархат*. В сентябре-октябре активно обсуждался вопрос, что приемлемей: *бундó кохучее* или *кохнó бундючее*? Почти все сходились на том, что запахи примерно одинаковые.

Места обитания новых «хозяев» и их приспешников получили названия *бундиáрий* и *кохендрáрий*. Шепотом передавали, что парочка не отражается в зеркалах, а Бундин вообще не отбрасывает тени. Началось примеривание фольклорных (мифологических) образов. Персонажи однозначно воспринимались как нечисть. Саму Кох иногда представляли мойрой Атропос или Смертью:

К нам Кох пришла с кривой косой –
Над нею нимб мединский...²⁰

В «Живом журнале» была предложена более современная художественная параллель – Долорес Амбридж из 5-й части «Гарри Поттера»:

Ну просто один к одному. Злобная садистка и бюрократка на службе Темного лорда, пытающаяся уничтожить школу магии и волшебства изнутри, но любящая при этом розовые кофточки и картинки с котятками²¹.

В дальнейшем акцент в создаваемых текстах сместился на языковую игру, каламбур. Различные фонетические и семантические преобразования отдельных слов и формул позволяли выразить отношение к возникавшим ситуациям, обыграть их. Стандартным ответом на вопрос, как дела в Институте, стало: *И кохельбекерно, и тошно*.

Всплыла песня «Каховка»²². Ее напевали, подчеркивая в первом слоге звук [o]: «Коховка, коховка...». Переслушивали, радуясь строчке «Мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути» (текст песни не был изменен).

Промелькнуло прозвище «*Кохщей* бессмертный» (в дальнейшем Кощеем стал называться другой персонаж – юрист). «Вонзила в нас свои кохти, – вздыхал народ, – *кóхнулись*». «Нас *накóхлили*», – вторили им другие сотрудники. Был поставлен диагноз: *общественностная пандемия кохлюша*.

Многие действия новоявленной и. о. директора вызывали смех: *обкохочься!* Однако случались и физиологические реакции:

²⁰ А., сообщено в феврале 2014 г.

²¹ См.: [<http://cleofide.livejournal.com/753372.html?mode=reply>] (размещено 3 сентября 2013 г.).

²² Песня из к/ф «Три товарища» (1935). Музыка И. Дунаевского, слова М. Светлова.

выкохнито... Поначалу все-таки пытались работать. Появилось и предложение – согласно требованию времени устроить в Зубовском арт-центр *Кохлома*. Было и другое – организовать здесь новое *Сколково*²³.

Режим становился все более жестким. Вот уже никакие действия невозможны без санкции сверху. Разрешит ли и. о. директора провести семинар? конференцию? – *А Кох его знает...*²⁴ Стали раздаваться ругательства: *Ну и Кох с тобой!; Иди ты на Кох!* и – жестче: *Пошел на Кохер!*

Сама Кох, прознав о хождении всех этих выражений, в сердцах кричала одному из сотрудников: «Ты мне тут не хохми!» – *Ты мне тут не кохми!* – отозвалось в кулуарах.

По понедельникам проводились унылые, долгие *кохедральные соборы* – учрежденные новой администрацией малый и административный советы. И₁ охарактеризовал их так: «Они называются совещаниями, но никакого “со-” там нет»²⁵. Никто никого ни о чем не спрашивал. Устойчивым к нейро-лингвистическому программированию оказались немногие, большинство же сотрудников, просяживавших на этих собраниях, не могли вспомнить, что же им говорили.

Кабинет директора прозвали *кохня*, *кохтильня* или *кохетерий*, где ожидает *гуена кохненная* и где для нас (вариант: из нас) готовится *кохль-мохль*. Многим сотрудникам после его посещения требовалась психологическая поддержка. Неудивительно, что,

²³ Сколково – инновационный центр (в 2010–2011 гг. часто описывался как «Российская Кремниевая долина»), первый в постсоветское время в России строящийся «с нуля» наукоград. После серии уголовных дел интерес к нему угас. В 2013 г. его будущее представлялось неопределенным: «Скорее всего, сольют тихо и постепенно», – считали эксперты (Каныгин 2013).

²⁴ Сотруднику В. поначалу отказывали в праве организовать конференцию, анонсы которой уже были разосланы заранее, в начале года. Когда же, наконец, администрация объявила о положительном решении, измученный В. ответил: «Я хотел провести в Зубовском институте, а в Коховском не хочу». Мероприятие состоялось под крышей другого учреждения.

²⁵ Столь же удручающими оказались заседания вновь организованного Ученого совета. Один из его участников, Е₄, на вопрос «Ну как Ученый совет?» воскликнул: «Вот именно, что не Ученый совет, а “как”!»

когда в одном из номеров журнала «Дилетант» была опубликована статья о белокурой ведьме Бухенвальда Эльзе (Ильзе) Кох, жене коменданта концентрационного лагеря Бухенвальд, затем переведенного в Майданек²⁶, Институт стали называть *Кохенвальд* и *Кохвенцим*. Когда я переписывала эти новые слова в свой альбом²⁷, стоявший рядом Д₁ покачал головой: «Тут надо продолжить: “Оставь науку, всяк сюда входящий”». Так одним штрихом – отсылкой к дантовскому «Аду» – социальные коллизии были спроецированы в этическую плоскость.

Сопоставления с однофамильцами были не единичным явлением. В марте 2014 г. А₁ передал мне текст «послания», написанного от имени Карла Отто Коха, мужа Эльзы:

Кох – для Кох

Кох поглядел на Кох
Из огненного далека –
И вырвался вздох из груди его:
«Кох!
Как мы с тобой нехороши!
Глупость наша нас привела
К злему концу –
Все ненавидят нас...
Ох!
Прокляты мы в веках!...
И это при том, что мы
Были слишком честны!
Свой исполняя долг!
Я –
Гитлеру верно служил...

²⁶ См.: Аристов 2013: 51–55

²⁷ Невероятных размеров альбом в зеленом переплете был сделан на заказ в мае 2007 года. В него вклеивались фотографии сотрудников и гостей Института, многие из которых оставляли свои подписи, вписывали стихи или пожелания. К 2013 году альбом был заполнен примерно наполовину. Понимая неизбежность своего увольнения, я сдала его в Кабинет рукописей РИИИ.

Черт!
 Я – солдафоном был,
 Как самый последний дурак!..
 Ты –
 О! у тебя все впереди!
 Все покинут тебя!..
 Проклята ты в веках
 Так же – как я,
 Кох!!!»

Начиная с 2013 года оптимизация проводилась по всем пяти научным институтам, подчиненным Министерству культуры; готовились и утверждались документы по реорганизации Российской академии наук²⁸. Происходящее в Институте привлекло внимание коллег и журналистов. Имя Кох стало известным далеко за пределами Зубовского. Судья Октябрьского районного суда во время процесса по восстановлению одного из уволенных сотрудников, забыв фамилию, сказала: «Ну этот ваш – с короткой фамилией... – *который на три буквы...*».

В январе 2014 г. *фрау Кох* стала звездой в одном московском институте. Вот как сообщили нам коллеги:

Вашу директрису представили в капустнике мойрой Атропос, которая в образе государственной певицы (типа Барсовой) поет про то, как хорошо и пусто в разогнанном институте. Изображает ее при этом прекомичный мужик. То есть – повеселились²⁹.

В «Новогодней частушке» несколько строк посвящены описанию внешности Кох, выведенной в окарикатуренном виде:

На башке пархатый кок,
 Глаз слепой косится вбок³⁰.

²⁸ Хронику событий этой реорганизации, документы и интервью с участниками акций см.: Губарев 2014.

²⁹ Сообщил Ю., февраль 2014 г.

³⁰ Поначалу Кох говорила о своем якобы чрезвычайно плохом зрении, объясняя, что просто не видит собеседника и невольно повышает голос, а люди принимают это за

Узкий рот, как нитка зла,
Смех, как бляенье козла,
Постоянно нагло врет
И бессмыслицу несет.

Ключевыми для прочтения в процитированном отрывке являются последние строки, показывающие, что пейоративное изображение здесь – следствие коммуникативного сбоя. Выставление противника в негативном свете напоминает об архетипическом защитном поведении, оно сродни дразнилкам, шаржированным рисункам в светских альбомах, эпиграммам³¹.

В некоторых собранных нами текстах в качестве шаблона выступают детские стихи и песенки, которые, как известно, призваны формировать навыки правильного социального поведения. Обращение к ним могло быть спровоцировано повторяемыми как внутри Института, так и в прессе словами о «наведении порядка», «вытаскивании Института из ямы» и др. Одним из образцов стала хрестоматийная новогодняя песенка:

В Кульке трудилась Палочка,
К нам в Зубовский пришла
И много-много гадостей
Ученым принесла. <...>

«Мой долг из ямы выволить
Гнилой сей Институт.
Так за него душа болит,
Что “кушать не могу”. <...>

Неправильно устроено
Здесь все от “А” до “Я”.
Как надобно, как правильно,
Я знаю лишь одна.

крик. В дальнейшем от этого толкования она отказалась, а переход на повышенные тона объясняла привычкой, выработанной в период, когда ей «приходилось работать с детьми».

³¹ См. об этом, например: Корнилова 1979: 373–391; Рыбакова 2009.

Как двор мостить, как окна мыть³²,
 Как проложить трубу³³,
 Сам Леонардо крутится
 От зависти в гробу»³⁴ –

Подошли в качестве шаблона и дидактические строчки Маяковского:

Крошка Кох в Москву пришла,
 И сказала кроха:
 «Быть гэбистом – хорошо,
 А ученым – плохо»³⁵.

Совершенно очевидно, что тематика, связанная с Кох, в собранных нами материалах доминирует. В то же время очевидно, что к этой же доминантной группе следует отнести тексты и выражения, так или иначе относящиеся к Ю. И. Бундину (мы видели, что некоторые неологизмы строятся на сопряжении обеих фамилий). О «сотрудничестве» Кох и Бундина в Академии культуры мы были слышаны. «Х... и п... из одного гнезда», – прокомментировал ситуацию в «Фейсбуке» один из сотрудников. В «Новогодней частушке» есть такой куплет:

Парочка шагает в ногу,
 Даже завидно, ей-богу,
 На собрание, на обед,
 Вместе дружно в туалет.

³² При мытье огромных окон было разбито одно из фасадных стекол. «Каплан опять промахнулась», – вздыхали, собравшись у крыльца, сотрудники, намекая на одно из первых мест работы Кох – Музей революции (сегодня Государственный музей политической истории России).

³³ Увидев во дворе лужи, Кох объявила, что надо проложить фановые трубы. «Может, дренажные?» – подсказали ей. «Нет, фановые. Я лучше знаю!», – ответила она.

³⁴ «Песенка о Палочке» состоит из 35 куплетов, автор И₂, ноябрь-декабрь 2013 г.; первый из процитированных куплетов присочинил Е, в феврале 2014 г. «Кушать не могу» – цитата из к/ф «Мимино». «Песенка» сочинялась в течение нескольких месяцев; отдельным людям автор периодически зачитывал написанные куплеты. Насколько мне известно, ее никогда не пели.

³⁵ Автор неизвестен, зафиксировано в августе 2013 г.

Именно этот фрагмент убеждает нас, что «Частушка» создавалась внутри учреждения. Кох, будучи назначена и. о. директора, плохо представляла себе, с кем ей предстоит иметь дело. Она искренне боялась физического насилия и достаточно долго приходила в Институт только вместе с Бундиным; он сопровождал ее повсюду, в том числе и в туалетную комнату.

Эпически-ироничны былинные строки:

У оконца сидит и. о. девицы-красавицы,
Змей Бундинович ей прислуживает...³⁶

Оба персонажа фигурируют и в стихе, являющемся парафразой знаменитой частушки 1920-х гг., призывающей кару на голову «злого гения» Института Я. Назаренко:

В Институте РИИИ
Обвалилась стенка.
Стенка-стенка, задави
Яшку Назаренко!³⁷

А вот ее современная версия:

В Зубовском переполох:
Задавила стенка Кох,
А другая – вот те на –
Придавила Бундина!

Ёксель-моксель, посмотри,
Сколько стенок в РИИИ!
Раз такая се ля ви, –
Всех их, гадов, раздави!³⁸

³⁶ Автор неизвестен, зафиксировано в начале марта 2014 г.

³⁷ Эта частушка и сегодня известна, и не только сотрудникам Института. Например, фольклорист Е. Н. Разумовская знает ее от своего отца, заканчивавшего в Зубовском Высшие государственные курсы.

³⁸ Записано в конце января 2014 г., автор Е. Об устойчивости образа «стенки» свидетельствует следующий эпизод. Готовясь к конференции «Ситуация постфольклора: городские тексты и практики» и записывая новые тексты, я не сообщала о теме

В 20-х числах августа 2013 г. Д₁ принес мне текст, который распевался на мелодию финальной песенки из кинофильма «Приключения Буратино» (музыка А. Рыбникова). Пара строчек в этом тексте при участии разных людей неоднократно переделывались. В результате получилось следующее:

Кто страш-ной сказ-кой вхо-дит в дом, си-ю-ня каж-до-му зна-ком,
кто пы-жит-ся, что он у-чен, а сам ни в зуб но-гой ни в чем, кто
раз-ва-лил наш ин-сти-тут- ска-жи-те, как е-го зо-вут?
Кох! Па-па-па-па-па-пам! Кох! Па-па-па-па-па-пам!
Кох и Бун-дин! Кох и Бун-дин!

Кто страшной сказкой входит в дом,
С июня каждому знаком,
Кто пыжится, что он учен,
А сам ни в зуб ногой ни в чем,
Кто развалил наш Институт –
Скажите, как его зовут?
Кох!
Кох!
Кох и Бун-дин!
Кох и Бун-дин!

Первое, что постарались обозначить сотрудники при появлении Юрия Ивановича в Институте, – его место среди ученых и должность. Официально он был представлен как «помощник по

предстоящего доклада. Каково же было мое удивление, когда буквально накануне поездки С₁ позвонил со словами: «Я знаю, что за доклад ты готовишь» – «???» – «Упади еще раз стенка!».

международным связям», на вопрос о владении языками сказал, что немного – английским. Его прошлое загадкой не было, а поиск хоть каких-то следов якобы имевшейся диссертации или автореферата в области юриспруденции результатов не дал³⁹. Закономерным было появление определений: *генерал искусствоведения* (многим хорошо памятли советские «искусствоведы в штатском»), *кандидат юридических наук в отставке*. Еще одно – *замКох* – указывало на его место в официальной иерархии.

Как-то двое проходивших по Исаакиевской площади мужчин поинтересовались у вышедшего из Института И₂, не здесь ли работает Юра Бундин. «Здесь». – «А кем он работает?» – «Заместителем директора. А что?» – в свою очередь поинтересовался сотрудник. – «Да он у меня когда-то *лейтенантом по земле бегал*»⁴⁰, – ответил один из прохожих.

Через некоторое время И₂, рассказав мне эту историю, приправил ее четверостишьем:

Юра Бундин по земле
Бегал лейтенантом,
А теперь с утра в «Буше»
Кофе глушит франтом⁴¹.

Как-то получилось, что первые серьезные проблемы с администрацией возникли у сотрудников, молодых людей, в прошлом имевших в паспорте не очень удобную для жизни запись в графе «национальность». *Бундисемит*, *бундераст*, – разнеслось по Институту, –

Если мальчик не блондин, –
Берегись, идет Бундин!⁴²

³⁹ Сведения о наличии ученой степени содержатся в статье: Лебедева 2011. Кандидатом юридических наук Бундин был назван и на официальном сайте РИИИ.

⁴⁰ «Бегать по земле» – так говорят о работающих «в наружке» – в наружном наблюдении.

⁴¹ Записано 22 февраля 2014 г. «Буше» – дорогое кафе, расположенное на Почтамтской ул. в трех минутах ходьбы от Института.

⁴² А₂, август-сентябрь 2013 г. В то же время прежде среди сотрудников Института принадлежность к сексуальным меньшинствам не становилось причиной особенного

Деятельность «отставного юриста» поначалу сводилась к представлению – один за другим – нелепых приказов, причем в последующих исправлялись ошибки, допущенные в предыдущих. Перед сотрудниками замаячили разные кары за неисполнение вводимых абсурдных норм. *Бундиотизм*. Впечатление от витиевато-бессмысленных речей и предъявляемых коллективу все новых документов очень точно передавало слово *обундэть!* Все более вероятной становилась опасность *пробундиться* – однажды очнуться завербованным в агенты ФСБ. А глагол *бундить* (или *бундеть*) стал обозначать саму манеру Бундина разговаривать – бесцветно-обтекаемую, наполненную канцеляризмами и отсылками в никуда («известно», «согласно нормам», «по документам мы должны»). Пожалуй, это единственный случай ономотопеи (называние предмета одновременно с имитацией характерных для него звуков). Новое слово оказалось сходным с привычными уху *бухтеть* и *бубнить*.

Наряду со словесной игрой, в Институте было распространено цитирование устных и письменных высказываний новых руководителей. «Нам всем придется лечь под реформу»⁴³, – поясняла свои действия и. о. директора. В марте 2014 г. в одном из секторов она собственноручно проводила «*мониторинг столов*» (т. е. определяла, какие из них следует отправить на свалку)⁴⁴. Подобная «научная» деятельность Ольги Борисовны была отнесена к области *кохнитивного искусствоведения*.

Бережно сохранялись распоряжения, акты, уведомления, пестревшие грамматическими и стилистическими ошибками⁴⁵.

внимания и тем более осуждения.

⁴³ Осень 2013 г., сообщил И1.

⁴⁴ 21 марта 2014 г., сообщил И1.

⁴⁵ Тут-то и стала понятной фраза, произнесенная Кох при ее оформлении в Институт в ответ на предложение написать заявление: «Я ничего писать не буду. Писать будете вы, а я – подписывать» (сообщено Е₃). Месяцами в документах проставлялись неверные названия секторов и самого Института. Неудивительно: сам заместитель министра Г. П. Ивлиев, дважды приезжавший к нам в мае и июне, на собраниях именвал учреждение то «Институтом культуры», то «Институтом культурологии», то «Институтом искусствознания», а окончательно запутавшись, предложил «вернуть

Особенное удовольствие доставляло чтение статей Ю. И. Бундина, например, о том, что с заключением Константинопольского договора от 18 августа 1700 г. были «прекращены разбойничьи набеги кочевников, подогреваемые затяжной войной с Турцией и затем мирным договором, за которым торчали уши будущих неминуемых войн» (Бундин 2005: 61). Приведем еще несколько ярких цитат из его работ: «17 ноября 1700 года следует поражение русских войск под Нарвой, и шведский король начинает гонять Августа по Польше» (там же); «1 октября 1702 г. русские войска разрушили первую крепость в “шведской стенке”, загрожающей вход в Европу» (Бундин 2005: 62); «...Военная удача, знания, напористость сопутствуют Петру каждый год по несколько раз – и на суше, и на море» (там же). И – характеристика одного из строителей Успенского собора в Тихвине Федора Сыркова: «К архитектурному творчеству он имел такое же отношение, как кирпич» (Бундин, Райков 2005: 38).

С точки зрения содержания, в собранном нами материале можно выявить доминантную, периферийную и окказиональную тематику. К первой группе, на наш взгляд, следует отнести все, что касается двух главных персонажей, поставленных во главе Зубовского института: Ольги Борисовны Кох и Юрия Ивановича Бундина. Периферийная тематика охватывает весь административный корпус в широком смысле – от Министерства культуры и возглавляющего его с мая 2012 г. В. Р. Мединского до набранных в штат Института новых уборщиков. Наконец, окказиональная тематика включает весьма незначительное число сотрудников Института. Несмотря на постепенно нарастающие разногласия в их среде, а порой и противостояние, коллеги становятся персонажами эпиграмм чрезвычайно редко и, как правило, это связано с полной потерей человеком авторитета.

родовое название “Зубовский институт”. Это было не просто демонстрацией полного незнания истории (граф Валентин Платонович Зубов нарек свое детище «Российский институт истории искусств»). Для всех, собравшихся в тот день в Зеленом зале, было очевидным, что если в ведомстве, руководящем работой учреждения, не могут запомнить его названия, – ничего хорошего ждать не приходится.

Так, буквально в одночасье почти весь коллектив определился со своим отношением к молодому и, казалось бы, перспективному сотруднику музыковеду Дмитрию Шумилину. Переломным моментом стала даже не его внезапная поездка в Москву, из которой он – неожиданно для всех – вернулся заместителем директора. Тогда за ним закрепилось прозвище *Коханчик*⁴⁶. Уменьшительный суффикс придавал ему статус чего-то незначительного, игрушечного. Однако примерно месяц спустя, в пятницу, 19 июля, Кох не пустила в Москву на совещание официально приглашенную Анну Федоровну Некрылову (на тот момент зам. директора по научной работе), а поехала на него сама – в сопровождении Шумилина. В середине дня Дмитрий позвонил Некрыловой – она была в Институте – и заботливо спросил: «Ну как вы, Анна Федоровна? Вам уже лучше?» Не станем воспроизводить здесь ответ. А в понедельник в середине дня практически одновременно в разных местах появились плакат, постеры и флаеры разного формата с фотографией «коханчика», обработанной в графическом редакторе⁴⁷. На его профиле пощечиной алело: «Лжец!», внизу – тоже красным – шла надпись: «Тебе здесь не место!» Постеры были вывешены на досках объявлений, лежали в научном отделе и в библиотеке, одну из наклеек И. обнаружил в мужском туалете (и забрал для своей коллекции). Вопрос авторства был предметом довольно долгого обсуждения. В разговорах со мной изготовление плаката приписывалось Т., С., Д. Мало того, *несколько экземпляров* очень скоро стали описывать как *несколько разных* плакатов: якобы на одном было написано «лжец», на другом – «подлец».

⁴⁶ В прозвище совмещаются фамилия и. о. директора Института *Кох* и глагол *кохати* (укр. 'любить', ср. польск. *kochać*). Одновременно есть коннотации с прозвищем сотрудника дорожной полиции, задержанного в Кызылорде за взятки в январе 2012 г. – Паханчик (от «пахан» – в криминальной среде «авторитет», «главарь», «руководитель»).

⁴⁷ В 1920-е годы в Институте также бывали использованы визуальные средства. В одной из сносок в статье «Гимн формалистов» упоминается плакат с лозунгом-каламбуром «Лучше Шпет, чем никогда»; см.: Кумпан, Конечный 2008: 283, сноска 75.

На следующий день администрация обыскала весь Институт. Были перекрыты все помещения, проверены компьютеры, заказаны новые средства слежения. Пару недель – пока на стоянку во дворе не поставили камеру – Шумилин приезжал в Институт на общественном транспорте: опасался, что попортят его авто...

В дальнейшем «коханчик» уже встречается в стихах наряду с членами вновь набранной администрацией команды, т. е. фактически он перешел из окказиональных персонажей в разряд периферийных.

Так, в «Песенке о Палочке» министр культуры говорит:

«Да, там, среди сотрудников
Мальчонка⁴⁸ есть – Димон, –
Мне кажется, в подручные
Вполне сгодится он».

В «Новогодней частушке»:

С ними Дима – квелый зам
(суть понятна по глазам).

А дальше – следует перечисление людей из «новой команды»:

...И племянник с помелом,
и военный управдом.

Пришибеев кадровик
Рядом с ними шибко сник.
Не осиливший ликбез
Не в свою тарелку влез.

Вертухаи и кульки
И охранники-братки.
Посторонние коблы
Топчут графские полы. <...>

⁴⁸ Мальчонка – еще одно прозвище Д. Шумилина.

А ее бойфренд Кощей –
Саблезубый Бармалей,
Он лубянский свой запал
С тех времен не растерял.

В «Песенке о Палочке» этот ряд короче:

С энтузиазмом Палочка
«Зачистку» начала
И редкостный паноптикум
В команду набрала. <...>

Охранники, помощники,
Вояка-старичок,
Уборщик классный и стукач
Зовется Игорёк. <...>

Такую грязь поразвели, –
Не уберешь за год!
Смотрите: вон у Игорька
Свело от пыли рот.

Все это совершенно конкретные персоны: сотрудники охранного предприятия, вставшие у дверей с оружием рядом с вахтершами, а затем и вытеснившие их, уборщик Игорь, без стеснения подслушивающий разговоры и просматривающий содержимое мусорных корзинок, – почему-то молва зачислила его в племянники Кох. Многие из вновь взятых на работу в прошлом были военными. Алексей Ефремов – молодой человек с бравой выправкой – был принят в Институт на должность инженера. В Интернете есть ролик, на котором Алексей выставляет журналиста из Института со словами: «Вы же видите, сколько у нас здесь *блин-культурных ценностей*»⁴⁹. Что он делал как инженер, неведомо, зато в его обязанности входило позвать сотрудника к директору, удостовериться, что сотрудника нет на месте, стоять и наблюдать, как собирает книги и вещи уволенный. Чаще всего его так и именовали: «*Блин-культурная ценность*» или

⁴⁹ См.: [http://vk.com/buzinsky?w=wall235987_17578%2Fall].

палочка Кох. Пришибеевым назван Владислав Олегович Соколов – человек с военным прошлым, который заведовал канцелярией и кадрами, а по совместительству подписывал акты на неугодных сотрудников. Количество делаемых им в бумагах ошибок и описок неимоверно велико. Прозвище *Пришибеев* не прижилось, – чаще его величали *Брежневым*.

Кощеем назван адвокат Феликс Евгеньевич Яковлев, ранее делавший карьеру как следователь, сохранивший и перенесший на новое поприще блатные привычки. У него единственного сохранилось «инфернальное» прозвище.

Еще один текст, в котором появляется конкретный сотрудник Института, зафиксирован нами в начале февраля 2014 г.:

В Институте РИИИ
 Непростые будни,
 Завелись у нас внутри
 Ольга Кох и Бундин.

И поскольку, так сказать,
 Слова молвить не с кем,
 Ходит жопы им лизать
 Игорь Мациевский.

К сожалению, я в этот период была поглощена судебными разбирательствами и не смогла отследить, какое событие стало толчком к появлению этого текста. Полтора месяца спустя мне сообщили еще одну фразу: «Мациевский что-то совсем *окоханился*», – она дошла до меня через четвертые руки, причем не все люди в этой цепочке имели прямое отношение к Институту. Примерно в то же время прозвучало прозвище «*Мацавелли*»⁵⁰.

Отметим, что периферийные персонажи в основном появляются в стихотворных произведениях «крупной формы», – в них практи-

⁵⁰ Автором первого из приведенных выражений являлся Ю., автор второго неизвестен. Руководителю сектора инструментоведения И. В. Мациевскому и раньше случалось быть персонажем «капустных» текстов. Ходили и другие прозвища: *Эмоциевский*, *Инструменталиссимус* и др.

чески все члены новой «команды» названы поименно и охарактеризованы. Особняком в этом ряду стоит «Ода Великому Институту»⁵¹, в которой фигурирует лишь минкульт и дана отсылка к знаменитой фразе министра культуры В. Р. Мединского «Мы хобби оплачивать не будем»⁵².

Подведомственным институтам предписывалось зарабатывать деньги, – минкульт превратился в *минкульт-торг* и – в связи с некоторой новой тематикой – *мин-окульт-торг*. Щедрые посулы министра и его заместителя Г. П. Ивлиева доверия сотрудников не вызывали. Примерно так же реагировала на увещевания казака дивчина в украинской народной песне «Ой, у вишневого садочку». Вот вариант ее подтекстовки (ее распевали на два и даже на три голоса в фойе и на парадной лестнице Института):

Ой, у Рос - сий - ском ин - сти - ту - те

на - ми Ме - дин - ский у - пра - влял:
нам он ди - рек - то - ра сме - нял:

вить - вить - вить - тьех - тьех - тьех ай - яй - яй - ох - ох - ох
ай - яй - яй - Кох - кох - кох -

на - ми Ме - дин - ский у - пра - влял!
нам он ди - рек - то - ра сме - нял!

Ой, у Российском институте

Нами Мединский управлял:

Вить-вить-вить – тьех-тьех-тьех

Ай-яй-яй – ох-ох-ох

Нами Мединский управлял!

⁵¹ «Ода» состоит из 10 строф. Была вывешена на доске приказов в начале сентября 2013 г., автор С.

⁵² Фраза была произнесена в Zubовском институте, достоянием широкой общественности стала 12 июня 2013 г.

Ой, у Российском институте
 Нам он директора сменял:
 Вить-вить-вить-тьех-тьех-тьех
 Ай-яй-яй – *Кох-кох-кох* –
 Нам он директора сменял!⁵³

Фигуру Мединского все воспринимали как декорацию (все основные действия исходили от его заместителя Г. П. Ивлиева, который не только несколько раз приезжал в Институт, но и лично представил коллективу и. о. директора). Однако в текстах фигурирует именно министр, покровительствующий новой команде, – вдохновитель «культурной реформы» и всего, что с ней связано.

В «Песенке о Палочке»:

Министр культуры Палочке
 Заданьце дает:
 Очистить надо здание,
 Уж покупатель ждет. <...>
 В Москве искусствознание
 Под корень я скосил, –
 Гнилых гуманитариев
 Терпеть уж нету сил.

В тексте, озаглавленном «Текущие настроения»:

Улыбка Мединского все осветила –
 И Солнце погасло...
 Тут Кох отворила
 Рукой безобразной
 Ворота в Аид
 И грозно сказала:
 «Всем ставлю на вид:
 Люблю я стихию порядка солдата,
 С которым Адольф к нам ломился когда-то!...»⁵⁴

⁵³ Записано в августе 2013 г., в сочинении участвовали Е₁, Е₂, Д₁.

⁵⁴ А₁, сообщено в феврале 2014 г.

В «Новогодней частушке»:

Им министр-педераст
За развал награду даст.
Но ведь есть и высший суд –
И иконки не спасут⁵⁵.

Один из ученых, ознакомившихся с собранным мной материалом, прокомментировал: «Фольклор академической науки *мединского периода*». Наряду с широко распространенной вариацией фамилии *Мудинский* (ее я впервые услышала от немецкого коллеги) известна также *Смердинский*. Кроме того, фамилия министра хорошо вписалась в ряд «металлистов у власти»: Сталин – Железняк – Мединский...⁵⁶

В течение нескольких месяцев в Зубовском институте сочинялся устный детектив. Инициатором был Н., который пригласил к обсуждению других сотрудников. Предлагаемые идеи всесторонне рассматривались. Постепенно вырисовывались основные сюжетные ходы, детали, персонажи. Главная интрига – замурованный графом Зубовым клад, местоположение которого отмечено на некоем плане. Фрагмент этого плана случайно обнаружен в фонде и попал в телепередачу А. В. Караулова⁵⁷. Кох получает задание найти сокровище, но ей не очень доверяют, за ней назначают

⁵⁵ Новая администрация усиленно демонстрировала приверженность православной обрядности. В Институт пригласили православного священнослужителя для проведения молебна. «*Иноверцам разрешается не участвовать*», – разрешила Кох, ранее говорившая, что принадлежит к лютеранской вере.

⁵⁶ Сообщил Е., начало октября 2013 г. Сергей Владимирович Железняк – депутат Государственной думы РФ VI созыва от партии «Единая Россия», зам. Председателя Госдумы, член комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи. Известен законодательными инициативами о санкциях за нецензурную брань в средствах массовой информации, о налогообложении блогеров и др.

⁵⁷ 27 мая 2013 г. в авторской передаче А. В. Караулова «Момент истины» был показан сюжет о Зубовском институте. Ложными были не только факты, сообщенные телезрителям, но даже «зрительный ряд»: вместо интерьеров Института демонстрировались посторонние обшарпанные помещения. Единственным подлинным документом был поэтажный план, предоставленный в августе 2012 г. в Министерство культуры советнику Н. А. Степанову.

приглядывающих. Почти сразу все условились, что на десятой странице Кох должна быть убита. М. предложил «орудие убийства» – постное масло, разлитое на ступенях довольно крутой лесенки, ведущей в уборную. Дружно искали «спасителя» Института, распределяли «роли». К сожалению, никто не взял на себя функции летописца, и текст остался устным нарративом (не увенчались успехом и мои просьбы к Н. зафиксировать его).

Более счастливым оказалась судьба «либретто» «Кохцарт и Мацильери» (варианты подзаголовка: «маленькая трагедия», «камерная опера в одном половом акте»). Е₂, его автор, безжалостно эксплуатируя пушкинский текст, постарался вставить в него все мотивы, актуальные для сотрудников Института, и известные ему на тот момент высказывания и. о. директора. Например, *Кохцарт* отдает распоряжение:

Бундини, ухожу сейчас я на обед,
Но перед тем мне нужно в туалет,
Сопроводи меня иль прикажи охране,
Боюсь ходить один: прирежут россияне.

В «кохетерии» он признается:

А вот и я. Немного задержался...
Подписывал приказ. Ах, Мацильери,
Тебе могу лишь я открыться:
Пишу я Requiem для всей науки...

Приготовившись исполнить реквием, сокрушается:

Ах, если б знал, что нет здесь фортепиано,
а только этот старенький рояль⁵⁸...

С гордостью замечает:

⁵⁸ Описываемая ситуация произошла со мной в сентябре 2013 г. Будучи руководителем научного семинара «Среды в РИИИ», я подала заявку на проведение заседания в Белом зале. «Зачем вам нужен зал?», – спросила О. Б. Кох. «Докладчику для иллюстраций требуется фортепиано». – «Но в Белом зале нет фортепиано». – «???» – «В Белом зале нет фортепиано. Там – рояль».

И оркестровкой я могу гордиться!
Для новизны звучанья в партитуру
я ввел три фановых
и пять дренажных труб⁵⁹.

Наконец, объявив судьбу Зубовского особняка –

Давно уж все в Минкульте решено:
Ученых переучат в официантов,
В крупье, а здесь откроют казино –

– он подбадривает собеседника и излагает свое credo:

Я – гений, и ты – гений, Мацильери!
Зачем тебе с подносами ходить,
Позволю я тебе в мой кохетерий
Меня бесплатно на обед водить. <...>

Как опытный и хитрый органиолог,
Способен ты на многое, поверь,
Для гения злодейство – только повод
Пред недругом закрыть входную дверь.
И мы ее закроем – будь спокоен, –
Европы загнивающий проем,
А после снова Родину отстроим
Вдвоем!⁶⁰

Представленный в данной статье материал нельзя считать устоявшимся, – во время фиксации он находился в непрерывном обновлении. Какие-то тексты, словосочетания забывались, сохранялись лишь в записи, другие находились в постоянном употреблении,

⁵⁹ См. сноску 33.

⁶⁰ Текст получен в начале апреля 2014 г., однако его фрагменты Е₂ пересказывал и раньше. Г. А. Левинтон, ознакомившись с текстом настоящей статьи, оставил примечание: «Подозреваю, что финальные строки возникли под влиянием анекдота: женщина спасла жизнь Ульбрихту (или Хоннекеру – зависит от года рассказывания). Он говорит: “Просите у меня, что угодно!” – она: “уберите Берлинскую стену” – он: “Ах, проказница, вы хотите, чтобы мы остались во всей ГДР вдвоем”».

к некоторым из них сотрудники возвращаются, порой что-то исправляя, дополняя. Почти всегда можно указать литературную основу: вирши XVII в., классическая поэзия, детская литература. Порой четырехстопный хорей напоминает о советской политической частушке («Кто там лезет в Мавзолей с раскладушкой своей?»).

По-видимому, с противоположной стороны существовала своя словесная игра. Мне известно лишь одно свидетельство: чтобы запомнить мою фамилию, сотрудники охранной фирмы «Каскад» придумали мнемоническую рифму: *В-глаз-дám!*

Не все собранные нами образцы совершенны в литературном отношении, что вполне понятно: эстетическая функция здесь не является ведущей. Однако во всех случаях в них усилена экспрессивная нагрузка высказывания. Появление текстов вызвано несколькими факторами, в числе которых, помимо уже упомянутой нами вербальной защиты, направленной на то, чтобы поставить под сомнение установленную иерархию, безусловно, важными являются:

- стремление автора кратко выразить мысль (окказионализм может заменить словосочетание и даже предложение, фактически содержит в себе свернутое высказывание);
- потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему оценку;
- желание своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, дезавтоматизировать восприятие⁶¹;
- совмещение денотатов: при словесной игре передача аллюзивного смысла нередко происходит при помощи элементов не только лексического, но и грамматического, фонетического, метрического уровней. Например, в случаях двойной аллюзии, когда новое слово образовано от фамилии (исходный денотат) и какого-либо обценного слова, оба денотата связываются, что подразумевает их уравнивание.

Закончить статью хотелось бы оптимистически, например, строфами из «Оды Великому Институту»:

⁶¹ См. об этом: Попова 2005: 28.

И пусть кто-то выгодно сдался,
А кто-то где надо смолчал,
Но дух Института остался
И этим Минкульт напугал. <...>

И как бы нас дальше ни били,
И кто бы про нас ни писал,
А наш Институт полон силы –
Он гордо спасет себя сам!

Однако, по-видимому, более точным станет другое завершение:

Тут науке всей – конец,
Кто в РИИИ, тому – *бундец!*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адоньева С. Б. 2004. Прагматика частушки. – Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. С. 137–195.
- Аристов С. 2013. «Каждому свое». Судьба Эльзы Кох. – Дилетант. № 6. С. 51–55.
- Бахтин М. М. 1965. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература.
- Бундин Ю. И. 2005. О триумфах в России. – Летописец. Тихвинский краеведческий альманах. Вып. 6. Тихвин: Редакционно-издательский дом Алаборг. С. 59–69.
- Бундин Ю. И., Райков Г. П. 2005. Некто «Мастер Фрязин» и Дом Богородицы на Тихвине. – Летописец. Тихвинский краеведческий альманах. Вып. 2. Тихвин: Редакционно-издательский дом Алаборг. С. 33–41.
- Богомоллов Н. А. 1992. Шуточные стихотворения к двухлетию факультета словесных искусств РИИИ. – Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М.: [Б. и.] С. 19–25.
- Богомоллов Н. А. 1999. Русская литература первой трети XX века: Портреты, проблемы, разыскания. Томск: Водолей.
- Вацуриана 2001. Вацуриана: Искусство веселого научного общения / Автор проекта А. Глассэ; сост. Т. Селезнева; ред. И. Чистова, И. Райскин. СПб.: Итака.

- Вацуру 2005. В. Э. Вацуру: Материалы к биографии / Сост. Т. Ф. Селезнева. М.: Новое литературное обозрение.
- Гинзбург Л. Я. 2003а. Вспоминая институт истории искусств... – Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общ. ред. И. В. Сэпман. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 55–64.
- Гинзбург Л. Я. 2003б. Записи 1920–1930-х годов. – Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общ. ред. И. В. Сэпман. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 92–101.
- Голицина В. Г. 2003. Наш Институт, наши учителя... – Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общ. ред. И. В. Сэпман. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 68–77.
- Губарев В. С. 2014. Убийство РАН. Новейшая история науки в России. М.: Алгоритм.
- Дандис А. 2003. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сборник статей / Пер. с английского. М.: Восточная литература.
- Дедова О. В. 2003. О гипертекстах: «книжных» и «электронных» – Вестник Московского университета. Сер. 9: «Филология». № 3. С. 106–107.
- Дианова Т. Б. 2003. Формы фольклорной трансмиссии. – Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М.: Издательство Московского университета. С. 7–11.
- Иванова А. А. 2010. Метатекстовые единства в локальной фольклорной традиции. – Фольклор: Текст и контекст. Сборник статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора. С. 12–29.
- Исмагулова Т. Д. 2012. Институтская стенка и «Яшка» Назаренко. – Временник Зубовского института. Вып. 8: Зубовский институт: Страницы истории. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 25–38.
- Каныгин П. 2013. Кислый инноград. – Новая газета. № 54 (22 мая) [<http://www.novayagazeta.ru/economy/58229.html>].
- Кириллов А. 2013. Выбирайте для себя новую систему измельчения. – Комбикорма. № 7. С. 30–31.
- Китаев-Смык Л. А. 2005. Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань). – Речевая агрессия в современной культуре: Сборник научных трудов. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета. С. 17–21.
- Копытова Г. В. 2012. Хроника реорганизаций и переименований Российского института истории искусств (1912–2012). – Временник

- Зубовского института. Вып. 8: Зубовский институт: Страницы истории. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 144–148.
- Корнилова А. В. 1979. Кавказское окружение Лермонтова в альбомах современников. – М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы / Отв. ред. М. П. Алексеев; ред.: В. Э. Вацуро, А. Глассе. Л.: Наука. С. 373–391.
- Крюков А. Н. 2012. Две блокадных поэмы. – Временник Зубовского института. Вып. 8: Зубовский институт: Страницы истории. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 88–93.
- Кумпан К. А. 2014. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х гг. – Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам: Сборник статей / Сост. М. Э. Маликова. М.: Новое литературное обозрение. С. 8–128.
- Кумпан К. А., Конечный А. М. 2008. Гимн формалистов / Публикация, сопроводительный текст и комментарии Ксении Кумпан и Альбина Конечного. – *Natale grate numeras?* Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона / Ред. А. К. Байбурин, А. Л. Осповат. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 266–294.
- Лебедева К. 2011. Знакомьтесь: Проректор Ю. И. Бундин. – Газета Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. № 17 (1356), декабрь. С. 2.
- Лопатин В. В. 1973. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука.
- Лыков А. Г. 1976. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово: Учебное пособие для филологических факультетов университетов. М.: Высшая школа.
- Лыков А. Г. 1990. Русское окказиональное слово в аспекте теории и методики. – Лексикология: Тезисы 2-й межвузовской конференции. М.: Московский педагогический государственный университет. С. 76–80.
- ЛЭС 1987. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия.
- Максимов В. И. 2014. Триумф и разгром Российского института истории искусств. – Максимов В. И. Из истории теории театра и науки о театре. СПб.: Издательство «Чистый лист». С. 98–111.
- Налепин А. Л. 2009. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике в России, Великобритании

- и США в XIX–XX столетиях. М.: Институт мировой литературы Российской академии наук.
- Неклюдов С. Ю. 1995. После фольклора. – Живая старина. № 1. С. 2–4.
- Некрылова А. Ф. 2012. Наталья Павловна Колпакова: Стихи студенческой поры. – Временник Зубовского института. Вып. 8: Зубовский институт: Страницы истории. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 13–24.
- Олсон Л., Адоньева С. 2016. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение.
- Попова Т. В. 2005. Русская неология и неография: Учебное электронное текстовое издание. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ [<http://www.unizd.hr/portals/35/2011-12/neol.pdf>].
- Рыбакова А. А. 2009. Экспрессивно-семантическая структура русской эпиграммы XVIII–XIX веков и ее лексические, фразеологические средства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Армавир.
- Успенский Л. В. 1983. Абсолютный вкус. – Воспоминания о Тынянове. Портреты и встречи. М.: Советский писатель. С. 109–115.
- Хадаев А. 2013. Палочку Коха можно сломать. – Российская газета. № 6178 (202), 11 сентября. [<https://rg.ru/2013/09/11/tuberkulez.html>].
- Чистов К. В. 2005. Фольклор в культурологическом аспекте. – Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: Сборник статей. М.: Объединенное Гуманитарное издательство. С. 11–25.
- Чуковская Л. Г. 2000. В поисках мировоззрения. – Чуковская Л. К. Сочинения: В 2-х тт. М.: Гудьял-Пресс. С. 391–395.